Отложенное счастье

Автор:
Линн Грэхем

Отложенное счастье

Линн Грэхем

Брачные обеты миллиардеров #1Любовный роман – Harlequin #874

Мерри Армстронг забеременела, проведя ночь с начальником – красивым и избалованным греческим миллиардером Ангелом Валтиносом. Грек щедро заплатил, чтобы она держалась от него подальше и хранила в тайне имя отца ребенка. Но шестнадцать месяцев спустя он снова ворвался в жизнь Мерри с ультиматумом. Она должна выбрать между замужеством без любви и заранее проигранной судебной тяжбой за опеку над дочерью.

Линн Грэхем

Отложенное счастье

The Secret Valtinos Baby

© 2018 by Lynne Graham

«Отложенное счастье»

© «Центрполиграф», 2019

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2019

Глава 1

Греческий миллиардер Ангел Валтинос удивился, обнаружив, что оба брата дожидаются его появления в приемной перед кабинетом отца.

– По какому поводу семейный сбор? – поинтересовался он, заломив угольно-черную бровь.

– Отец собирается нас пороть. – В голосе итальянского принца Витале Кастильони слышалась ирония, поскольку все они уже давно вышли из возраста, когда родительское неодобрение вызывает страх.

– И часто он это делает? – озадаченно нахмурился Зак Да Роча.

Ангел и Витале молча переглянулись. Незаконнорожденный брат из Бразилии пока оставался для них непонятной величиной. Зак вошел в семью недавно, его происхождение и обстоятельства жизни окружала завеса тайны, поэтому старшие братья пока относились к нему с осторожностью. Ангелу доверие давалось ничуть не легче, чем Витале.

– Ты старший, – с ухмылкой напомнил греку итальянец. – У тебя больше привилегий, но и на ковер ты пойдешь первым.

– Я об этом не просил. – Ангел передернул плечами, пытаясь стряхнуть непривычную тревогу.

Чарльз Расселл никогда не сковывал сыновей излишним контролем, не давил авторитетом – это заставляло Ангела думать, что ему повезло с отцом. Чарльз не смог долго уживаться ни с его матерью, ни с матерью Витале, однако сохранил отношения с детьми и принимал в их воспитании заинтересованное участие. Ангел много раз благодарил судьбу за надежную основательность отца и острый деловой ум, который от него унаследовал. В родительницы Ангелу досталась пустоголовая, привыкшая к легкой жизни наследница аристократической греческой династии – она пустила бы образование сына на самотек, если бы отец не поставил жесткие условия на этот счет.

Чарльз встретил Ангела в дверях кабинета.

– В чем дело, отец? Столкнувшись в приемной с Заком и Витале, я подумал, что разразилась какая-то семейная катастрофа.

– Зависит от того, что ты подразумеваешь под этим словом. – Чарльз посмотрел на тридцатитрехлетнего старшего сына, переросшего его на полголовы.

До недавнего времени первенец только радовал Чарльза, но открытие возмутительного факта биографии Ангела больно ранило отцовскую гордость. Он всегда опасался, что в сыне взыграют гены сказочно богатой и породистой родни с материнской стороны, которая сумела прославиться разве что скандалами и безудержной тягой к саморазрушению. Ему было особенно приятно, что Ангел стал первым за два поколения Валтиносом, который зарабатывал больше, чем тратил. Умный, честолюбивый, целеустремленный бизнесмен с отличной репутацией в деловых кругах, почтительный и любящий сын, Ангел не принадлежал к числу детей, от которых родителям стоит ждать разочарований. И все же он неприятно удивил отца, продемонстрировав свойственные Валтиносам эгоизм и безответственность.

– Так что стряслось? – спросил Ангел.

Чарльз присел на край стола. На шестом десятке он оставался привлекательным, подтянутым мужчиной, в волосы которого только начинала пробираться седина. Язык его тела выдавал напряжение и недовольство.

– Когда ты планируешь повзрослеть?

– Это что, шутка? – озадаченно заморгал Ангел.

– К сожалению, нет. Неделю назад человек, имени которого я тебе не назову, сообщил, что у меня есть внучка…

Оживление схлынуло с красивого худощавого лица Ангела. Он верил, что надежно спрятал концы в воду, и испытал шок, когда их выудил единственный человек, чьим расположением он дорожил.

– …А ты сделал все возможное, чтобы я никогда не увидел ее. – В голосе Чарльза прозвучало сожаление.

Нахмурившись, Ангел протянул к отцу руки ладонями вверх в экспансивном греческом жесте, означающем, что все не так драматично, как кажется.

– Я хотел оградить тебя…

– Себя, – без колебаний перебил Чарльз. – Ты защищал себя от ответственности за ребенка и обязательств, которые накладывает его воспитание.

– Это вышло случайно. Неужели я должен был перевернуть жизнь с ног на голову из-за неудачного стечения обстоятельств?

– Ты тоже появился на свет, когда отцовство не входило в мои планы, но я никогда не считал тебя несчастным случаем.

– Твои отношения с мамой строились на другой основе, – сказал Ангел с высокомерием обладателя богатой во всех отношениях родословной.

Лицо старшего мужчины омрачилось.

– Ангел… Я никогда не говорил тебе всей правды, чтобы не давать повода меньше уважать мать. Но факт остается фактом: Ангелина забеременела намеренно, когда поняла, что я собираюсь расстаться с ней. Я женился потому, что она ждала ребенка, а не потому, что любил ее.

Это откровение расстроило, но не удивило Ангела. Он всегда знал, что его избалованная, эгоистичная матушка ненавидит проигрывать.

– Из вашего брака ничего не вышло. – Глаза цвета темного золота, полускрытые густыми черными ресницами, смотрели на отца цинично и вызывающе. – Ты не можешь толкать меня на те же грабли.

– Пусть официальная регистрация отношений с Ангелиной Валтинос ничего не дала мне, зато пошла на пользу тебе. Ты вырос с отцом, который имел право отстаивать твои интересы.

Ангел скрипнул ровными белыми зубами. Он никогда не думал о брачном союзе родителей с этой точки зрения, и ему нечего было возразить.

– Наверное, я должен поблагодарить тебя за жертву.

– Не стоит благодарности. Чудесный маленький мальчик стал мужчиной, достойным уважения…

– Во всем, кроме этой истории.

– Ты сделал ошибку, натравив адвокатов на мать своего ребенка. Эти стервятники готовы втоптать в грязь кого угодно, чтобы защитить имя и состояние Валтиносов.

– Вот именно. Они защитили меня.

– От маленькой девочки? – с раздражением спросил Чарльз. – Разве ты не хочешь узнать свою плоть и кровь?

Ангел, охваченный злостью и стыдом, сердито поджал чувственные губы.

– Конечно, хочу. Но ее мать никогда на это не согласится.

– Ты действительно считаешь бедную женщину виноватой во всем этом безобразии? Пока твои адвокаты брали с нее подписку о конфиденциальности в обмен на финансовую поддержку, ты был настолько не заинтересован в дочери, что даже не подумал настоять на праве видеться с ней.

Ярость жгла Ангела изнутри, но он старался сохранять хотя бы внешнее спокойствие. Будь он проклят, если позволит глупой детской неожиданности встать между ним и отцом, которого он любил.

– Она тогда еще не родилась. Я не знал, что буду чувствовать, когда это произойдет.

– Тебе следовало оставить деловую часть адвокатам и заняться семейным аспектом ситуации. А ты дал матери девочки повод считать тебя врагом.

– Я вел переговоры через юристов как раз для того, чтобы личные чувства не помешали нам достичь согласия.

– И многого ли ты добился безличным подходом? – иронично поинтересовался Чарльз.

Ангел готов был застонать от бессилия. Говоря по правде, он преследовал собственную цель. И, лишь получив желаемый результат, осознал, что хотел совсем не этого.

– Она не желает, чтобы я навещал дочь.

– Чья вина?

– Моя, – признал Ангел. – Но, что бы я ни сделал, это не дает ей права растить моего ребенка в неподходящих условиях.

– Да, сложно согласиться с тем, что наследница Валтиносов воспитывается женщиной, которая работает в собачьем приюте. Хотя я рад, что твоя бывшая подруга равнодушна к богатству. В противном случае она осталась бы в Лондоне прожигать деньги, которые ты ей платишь, а не жила бы у тети в глухом углу Саффолка, зарабатывая себе на жизнь.

– У моей бывшей подруги не все дома! – Впервые с начала разговора Ангела захлестнули эмоции. – Она добивается, чтобы я чувствовал себя подлецом.

– Неужели? – Чарльз в сомнении приподнял бровь. – Не слишком ли много усилий ради мужчины, которого она не желает видеть?

– Она имела наглость сказать юристам, что не может разрешить мне навещать ребенка без риска нарушить договор о конфиденциальности!

– Пожалуй, у нее есть основания волноваться, что ты приведешь пронырливого репортера прямо к ее порогу, – заметил Чарльз.

– Я умею быть осторожным.

– К сожалению, сейчас вопрос посещений возможно решить только через суд. А британские законы крайне редко диктуют решения в пользу отцов внебрачных детей…

– Ты предлагаешь мне жениться на матери, чтобы получить доступ к ребенку? – Ангел не мог поверить своим ушам.

– Нет. – Чарльз покачал седеющей головой. – Такие жесты должны идти от сердца.

– Или разума. Я могу взять ее в жены и увезти в Грецию, где у меня будет преимущество в борьбе за опеку. Помнится, юристы предлагали такой вариант.

Чарльз смерил своего безжалостного сына неодобрительным взглядом. Он имел в виду погасить конфликт Ангела с матерью его дочки, а не завести его туда, откуда нет возврата.

– Надеюсь, ты даже не размышлял о возможности опуститься так низко. Неужели нельзя решить дело миром?

Ангел заверил отца, что постарается получить право видеть дочь, не прибегая к грязным трюкам, хотя сомневался, что у него есть хотя бы малейший шанс договориться с Мерри Армстронг. С ней ничего нельзя было сказать наверняка. Она отказывалась просто делать так, как он хочет: срывала планы, воздвигала препятствия и встречала каждое предложение градом контраргументов. Ангел не привык к столь неуважительному отношению, не знал, как реагировать или воспринимать этот новый опыт. Каждый раз, когда Мерри возражала или отказывала ему в чем-то, становился для него культурным шоком.

Всю жизнь женщины сами давали Ангелу, что и когда ему было нужно. Тетки, кузины и любовницы относились к нему как к божеству. Он рано проникся убеждением, что прекрасный пол создан исключительно для того, чтобы обожать его и доставлять все виды удовольствий. И принимал это приятное положение вещей как данность, пока темное дьявольское наущение не побудило его связаться с Мерри Армстронг…

Но как Ангел мог пропустить ее? Как мог не заметить точеную фигурку с длинными ногами, доходящие до талии волосы цвета крепкого кофе с рыжеватым отливом, кристально-голубые глаза и пухлые розовые губы, которые пускали мужское воображение вскачь по дороге греха? Если учесть, что эта красота целыми днями находилась на расстоянии вытянутой руки, развитие событий было предсказуемым и неизбежным с первой минуты. Даже несмотря на то, что Ангел свято следовал правилу не соблазнять своих сотрудниц и клялся никогда его не нарушать.

Дрожащими пальцами Мерри взяла у почтальона письмо. Йоркширский терьер, которого переедание сделало похожим на лохматую сардельку, носился вокруг ее ног, возбужденный звонком в дверь и посторонним голосом.

– Тихо, Тигр, – строго сказала Мерри.

Она взяла песика на передержку, чтобы подкорректировать огрехи в его воспитании перед поиском новых хозяев. Обучение шло своим чередом, но Мерри нарушила строгие правила тети Сибил, чрезмерно привязавшись к подопечному. Тигр нашел путь к ее сердцу и получил позволение сидеть на коленях и лежать на диване.

Хотя Сибил обожала собак, она не верила, что очеловечивание или сюсюканье идут им на пользу. А Мерри в свете собственных эмоциональных травм горячо сочувствовала собачке, пострадавшей от жестокого обращения. Маленький терьер искал утешения в еде, Мерри – в возможности его приласкать или потискать. Правда, порой ей казалось, что она слишком сильно жалеет себя, сравнивая поведение Ангела по отношению к ней с физическим насилием. Такого же мнения придерживалась Сибил, говорившая, что племянница делает из мухи слона.

К несчастью, оставить муху в покое Мерри не позволяли, и доказательством служило письмо, которое она держала в руках. При виде лондонского адреса молодую женщину затошнило. Она просто не могла заставить себя прочитать еще одно послание адвокатов семьи Валтинос. Передернувшись от омерзения, смешанного со страхом, Мерри трусливо сунула конверт в ящик тумбочки, чтобы не мозолил глаза, пока она не будет готова разобраться с новой проблемой спокойно.

Спокойствие давалось Мерри нелегко с того самого дня, когда юристы Валтиносов впервые связались с ней, положив начало бесконечной изматывающей битве, в которой каждое ее движение служило новым поводом для критики или шантажа. Перспектива читать еще одну порцию прикрытых вежливыми формулировками угроз приводила Мерри в ярость. Еще год назад она и представить не могла, что способна так разозлиться, а сейчас боялась, что злость поглотит ее и выжжет в душе все остальное. Гнев вошел в жизнь Мерри вместе с Ангелом Валтиносом. Красавец грек не научил ее ничему, кроме горечи, ненависти и отчуждения, без которых она бы с удовольствием обошлась.

Зато он, пусть даже помимо воли, подарил ей Элиссу…

Желая придать мыслям менее желчное направление, Мерри выглянула из кухни в крохотную гостиную, где ее дочь весело возилась с игрушками на ковре. Буйные черные кудри обрамляли смуглое личико с голубыми глазами и нежным бутоном рта. Волосы и оливковый тон кожи Элисса унаследовала от отца, глаза и губы – от матери. Мерри считала ее феноменально красивым ребенком, хотя признавала свою необъективность во всем, что касалось дочери.

Появление Элиссы на свет после тяжелой и тревожной беременности вернуло Мерри вкус к жизни. До родов она только предполагала, что материнство в корне изменит ее мировоззрение, наполнит всепоглощающей, ни с чем не сравнимой любовью. После теория обрела весомость факта: на свете не было ничего, что Мерри не сделала бы ради малышки.

Легкий стук в заднюю дверь возвестил, что пришла Сибил – высокая худая блондинка, которая и на шестом десятке не утратила красоту, сделавшую ее топ-моделью в восьмидесятых.

– Я поставила чайник, – сказала она. – Нам не помешает выпить по чашке чая.

Именно Сибил всегда служила племяннице образцом для подражания. Когда Мерри было шестнадцать, ее мама Натали уехала с мужем-австралийцем на его родину, а девочка перебралась к тетке, открывшей собачий приют. Сибил закончила модельную карьеру, как только накопила достаточно денег, чтобы посвятить остаток жизни заботе о бездомных собаках. У Мерри не было никого ближе тети, желания общаться с матерью молодая женщина не испытывала. Связь с Натали поддерживала Сибил, относившаяся к некогда беспутной

младшей сестре с удивительной нежностью, несмотря на все хлопоты, которые та ей доставила.

На поздних сроках беременности Мерри жила у Сибил в переделанном под дом амбаре, в меру сил помогая с собаками и строя планы более независимого будущего. Диплом бухгалтера дал ей возможность заняться домашним бизнесом: она вела финансовую отчетность для мелких предпринимателей. Это позволило Мерри купить машину и убедить тетю брать у нее хотя бы скромную плату за аренду коттеджа у ворот приюта. Коттедж был тесным и старым, но Мерри с Элиссой пока не требовалось ничего больше трех комнатушек и палисадника.

Сибил, со своей стороны, продолжала дарить им неизменную любовь, ощущение безопасности. Так было, сколько Мерри себя помнила. Натали родила ее рано, в девятнадцать лет, забеременев от женатого начальника. Быстро выяснилось, что юная мать плохо приспособлена для самостоятельной заботы о ребенке. Сибил все чаще забирала Мерри к себе на выходные, чтобы младшая сестра могла расслабиться и повеселиться.

Через спальню Натали маршировала нескончаемая вереница сомнительных мужчин: любители распускать руки, пьяницы, наркоманы. Некоторые воровали ее деньги, другие отказывались зарабатывать свои. К пяти годам Мерри искренне полагала, что все матери меняют кавалеров каждую неделю. Из-за нестабильной обстановки в доме, где взрослые либо находились в измененном состоянии сознания, либо были слишком заняты выяснением отношений, Мерри часто пропускала школу. Социальные службы уже собирались забрать девочку из очевидно неблагополучной семьи, но Сибил снова пришла на помощь.

Мерри провела под ее единоличной опекой девять чудесных лет. Подтянула учебу, научилась снова быть ребенком, которому не надо вести хозяйство вместо матери или прятаться во время бурных ссор в ожидании очередного приезда полиции. Фаза стабильности и покоя подошла к неизбежному концу, когда Натали, в сотый раз начавшая новую жизнь, потребовала вернуть ей дочь.

Как и следовало ожидать, счастливого воссоединения семьи не получилось. Натали успела привыкнуть к свободе. Мерри оказалась не послушной маленькой куколкой, какой ее помнила мама, а незнакомым подростком. И наконец, молодой жених Кит, собиравшийся увезти Натали в Австралию, ясно дал понять, что не готов взять на прицеп чужого ребенка. Мерри снова поселилась у Сибил и

не виделась с матерью со дня ее отъезда.

– Что принес почтальон? – спросила Сибил.

Мерри напружинилась и покраснела, со стыдом вспомнив о спрятанном в ящик письме. Тетя была слишком сильной женщиной, чтобы понять, как можно испугаться и расстроиться из-за клочка бумаги.

– Я заказала для Элиссы кое-что через Интернет.

– Никаких вестей от Того-Кого-Нельзя-Называть?

– Похоже, в нашей драме наступил антракт. – Мерри виновато потупилась, сосредоточившись на раскладывании чайных пакетиков по кружкам.

Сибил подняла внучатую племянницу с ковра, обняла и усадила себе на колени.

– Не смей даже думать о нем.

– Я не думаю. – Это тоже было ложью.

Мерри и сама ругала себя за мысли об Ангеле.

Лишь круглая дура способна лелеять воспоминания о мужчине, который плохо с ней обошелся. Но что толку обсуждать любовные переживания с Сибил? В свое время красивую и знаменитую модель осаждали толпы восторженных поклонников, но она так и не нашла среди них того, с кем захотела бы создать семью. А если какой-то мужчина и пытался отнестись к Сибил без должного уважения, вряд ли он прожил достаточно долго, чтобы об этом рассказать.

– Когда-нибудь он получит по заслугам, – предсказала Сибил. – Как аукнется, так и откликнется.

– Меня беспокоит, что я так его ненавижу, – вполголоса призналась Мерри. – Я никогда не относила себя к людям, способным на ненависть.

– Тебе все еще больно. Теперь, когда ты снова начала ходить на свидания, неприятные воспоминания будут таять быстрее.

Неожиданно для себя Мерри улыбнулась. Ветеринар Фергюс Уикэм был частым гостем в приюте. В момент знакомства она была обескураживающе беременна, однако Фергюса это не смутило. Он терпеливо ждал, пока мужское внимание снова начнет находить у нее отклик.

Мерри упрямо убеждала себя, что симпатия к Фергюсу и удовольствие от его компании – повод задуматься об отношениях. Он не волновал ее до бабочек в животе, она не мечтала об его поцелуях, но стоило ли придавать такое значение физиологии? Сексуальный магнетизм Ангела был неодолим, как укус ядовитой змеи, и что? Он притянул Мерри к себе, только чтобы отравить. Красивый, но смертоносный. Боже милосердный, как же она злилась на него, как хотела забыть мучительную историю, которая началась шестнадцать месяцев назад…

Глава 2

Первый рабочий день Мерри встретила с энтузиазмом, хотя должность никак нельзя было назвать пределом мечтаний. Она не для того получала университетское образование в сфере бухгалтерии и бизнеса, чтобы удовлетвориться местом секретарши за стойкой в холле «Валтинос энтерпрайзис».

Однако Мерри нуждалась в деньгах, ей было стыдно и дальше полагаться на щедрость тети. Сибил обеспечивала племянницу, пока та училась, давала подработки в приюте на каникулах, охотно принимала у себя на выходные и праздники.

Работа в «Валтинос энтерпрайзис» стала для Мерри шагом к настоящей независимости. Она хорошо оплачивалась, а график оставлял достаточно свободного времени для поисков более подходящего места. Мерри даже не пришлось просить помощи Сибил, чтобы снять неказистую квартирку в Лондоне. Будущее выглядело обнадеживающим.

С Ангелом она встретилась в первый же день. Он вышел из лифта, и дыхание Мерри на миг прервалось, будто ее ударили в солнечное сплетение. Его густые, блестящие черные кудри, как всегда, выглядели растрепанными, худое лицо с высокими скулами и узким прямым носом напоминало античные скульптуры, а глаза цвета меда, как потом узнала Мерри, в любой момент могли стать тверже и холоднее черных бриллиантов.

– Новенькая, – заметил он, окинув ее долгим взглядом, от которого по всему телу разлился жар.

– Начала сегодня, мистер Валтинос, – призналась Мерри.

– Побереги свои улыбки, – прошептала вторая секретарша, когда Ангел скрылся в кабинете. – Он не флиртует с персоналом. По слухам, даже уволил двух персональных ассистенток за проявление личного интереса к его особе.

– Я сюда не флиртовать устроилась.

Мерри опасалась мужчин. Она выросла с матерью, которая так хотела найти принца на белом коне, что все остальное в жизни перестало иметь значение. Этот опыт отвратил Мерри от любых экспериментов, и в первую очередь – романтических. Она верила в стабильность, безопасность, порядок, а ее самой смелой мечтой было открыть бухгалтерскую фирму. Мерри не встречала никого, кто боялся бы риска и авантюр больше нее.

В университете осторожность удерживала ее поближе к библиотеке, подальше от вечеринок. Сокурсникам, пытавшимся ухаживать за ней, приходилось довольствоваться платоническими отношениями. Никто не пробудил в Мерри сексуального влечения, а почти болезненная влюбчивость матери ей не передалась. К тому же она видела, чем обычно заканчивались кипевшие вокруг скороспелые студенческие романы. Боль, обиды, измены, слезы отвергнутых, разделение некогда дружных компаний на лагеря – все это не вызывало у Мерри никакого желания присоединяться к общему веселью. Ей нравилась спокойная, размеренная, тихая жизнь, поэтому она сильно удивила саму себя, связавшись с таким импульсивным и потенциально опасным мужчиной, как Ангел Валтинос.

Даже в теории союз двух настолько разных людей выглядел устрашающе. Темпераментом Ангел напоминал действующий вулкан, который извергался

каждый раз, когда кто-то в ближайших окрестностях делал или говорил глупости. За несколько недель работы Мерри привыкла наблюдать, как бледные от пережитого стресса сотрудники вылетают из его кабинета, как пробки из шампанского. Он был нетерпим, нетерпелив, требователен, сложен в общении – классический офисный тиран-трудоголик, одержимый жаждой успеха. Однако Мерри не могла не отметить, насколько Ангел умен, и на первых порах только это примиряло ее с драконовским характером нового босса.

Подавая кофе в конференц-зал, Мерри слышала, как быстро Ангел докапывался до сути производственных споров и находил верное, точное решение. Сотрудники прислушивались к его словам, отдавали должное интеллекту, соревновались между собой в стремлении угодить или произвести впечатление. Иногда перед обеденным перерывом в приемную Ангела заплывали роскошные блондинки – женщины строго определенного типа, силиконовые светские мотыльки с кукольными лицами и телами моделей из каталога нижнего белья. Судя по всему, помимо внешности, его в них привлекала лишь интенсивность слабоумного обожания, с которой они на него смотрели. Дам, явившихся без приглашения, разворачивали на дальних подступах к кабинету. Для Ангела женщины были игрушками, которые он выбрасывал, как только они ему надоедали. Судя по постоянной смене женских лиц, ему не требовалось много времени, чтобы наиграться.

Если коротко, Ангел Валтинос казался последним мужчиной на земле, кому удалось бы привлечь Мерри. Он собрал в себе все, что она не любила в представителях сильного пола. Ослепленный амбициями, помешанный на сексе, избалованный роскошью эгоист, который получал от окружающих больше восхищения и внимания, чем следовало.

И все же после шести недель работы Мерри обнаружила, что не может оторвать от Ангела взгляд. Он подчинял себе любое пространство и общество, в котором находился. При звуке его глубокого гипнотического голоса, речи с ленивыми интонациями и чуть заметным акцентом каждая женщина инстинктивно поворачивала голову, чтобы посмотреть на него. Энергия Ангела пронизывала и питала лондонский офис его компании, изменчивые настроения держали сотрудников в тонусе. Стоило ему уехать в командировку, компания «Валтинос энтерпрайзис» словно впадала в спячку, казалась опустевшей и безжизненной.

Когда один из персональных ассистентов Ангела уволился, он объявил внутренний конкурс на замещение вакансии. Мерри решила участвовать, увидев

в этом шанс взобраться повыше по карьерной лестнице. Ангел вызвал ее в кабинет и долго разглядывал через стол внимательными глазами цвета темного золота.

– Почему кандидат с вашими навыками работает на стойке регистрации?

– Это первое место, которое мне предложили. – Мерри тайком вытерла влажные ладони о юбку. – Я планировала со временем подыскать что-то более подходящее.

Ангел поднялся на ноги, заставив ее еще раз отметить, какой он высокий, и протянул тонкую папку:

– Найдите тихое место для работы. Проверьте эту фирму, жду от вас отчет об ее финансовой истории и актуальном положении дел.

Днем, ознакомившись с результатами проверки, он откинулся на спинку кресла и еще раз подверг Мерри детальному осмотру.

– Вы хорошо справились, хотя были слишком осторожны в прогнозах. А я люблю рисковать. Тем не менее место ваше. Надеюсь, вы умеете держать удар.

– Если вы крикнете на меня, я, скорее всего, крикну в ответ, – хмуро предупредила Мерри.

Ангел чуть приподнял в улыбке уголки красиво очерченных губ.

– Мне кажется, мы сработаемся.

Так начался самый увлекательный период в короткой карьере Мерри. Несмотря на то что она была младше всех в персональной команде Ангела, именно ей он всегда доверял расчеты. Тетя Сибил радовалась повышению племянницы, хотя ее тревожило, что Мерри работает от темна до темна и несет такую серьезную финансовую ответственность.

– Похоже, ты крепко зацепила босса, – примерно через два месяца словно бы в шутку сказал Мерри один из коллег-мужчин. – Видимо, в тебе есть что-то, чего

нет в его блондинках, раз он с тебя глаз не сводит.

– Я не заметила, чтобы он как-то меня выделял, – твердо ответила Мерри, боявшаяся офисных сплетен.

Тем более ей не хотелось, чтобы кто-то дознался, почему в присутствии Ангела она старается держаться максимально скромно и незаметно. Он будил в Мерри чувства, которые она раньше не испытывала. Под взглядом его золотистых глаз сжимался желудок, пересыхало горло и сбивалось дыхание. Реакция, в которой Мерри распознала вожделение, приводила ее в ужас. Не только потому, что возникала при виде начальника, но и потому, что не поддавалась контролю.

Мерри убеждала себя, что без подпитки желание угаснет само собой, но, когда она почти совсем успокоилась, судьба сказала свое веское слово. Эпидемия гриппа опустошила офис – по мере того как коллеги один за другим брали больничные, Мерри приходилось проводить все больше времени наедине с Ангелом. Однажды, заработавшись до позднего вечера, она приняла его предложение подвезти ее до дома.

Пока лифт вез их на подземную стоянку, Ангел смотрел на Мерри, словно изучая ее. От его безраздельного внимания у молодой женщины кружилась голова, по телу пробегали жаркие волны. Ей казалось, одежда стала такой тесной, что мешает дышать. Внезапно Ангел поднял руку и провел пальцем по контуру ее нижней губы. Стоило ему почувствовать ответную дрожь желания, какие-то барьеры внутри рухнули: Ангел прижал Мерри к зеркальной стене и поцеловал – жадно, лихорадочно, со страстью, которой она не умела противостоять.

– Поедем ко мне, – хриплым шепотом уговаривал Ангел, не обращая внимания на давно открытые двери лифта.

– Ни за что. – На раскрасневшемся лице Мерри застыла маска паники. – Мы совершили ошибку. Давайте забудем, что сейчас произошло.

– Невозможно. Я неделями пытался забыть о чувствах к тебе.

Столь прямолинейное признание ошарашило Мерри.

– Это всего лишь желание секса. С ним можно справиться, – пробормотала она.

Ангел, который уже вышел на парковку, обернулся в изумлении.

– Зачем с ним справляться?! – Поняв, что Мерри не собирается покидать лифт, он придержал закрывающиеся двери. – Идем к машине.

– Я лучше поеду на метро. Как обычно.

– Не глупи, – сказал Ангел. – Я могу себя контролировать.

Мерри вспомнила, с какой страстью он только что прижимал ее к стенке, и засомневалась. Секундное колебание стоило молодой женщине возможности сбежать.

– Я сказал, что подвезу тебя. – Ангел за руку вытащил ее из лифта.

– Некоторые границы нельзя переступать, – сказала Мерри, пока они шли через подземный гараж.

– Не надо лекций, – вполголоса отозвался Ангел. – У меня нет привычки заигрывать с сотрудницами. Ты – первая и единственная.

– Это не должно повториться. – Мерри скользнула на сиденье длинного, низкого, похожего на серебряную пулю автомобиля, стоимость которого, как она подозревала, во много раз превышала ее годовой заработок. – Я стараюсь помешать вам совершить неблаговидный поступок.

– Ты снова проповедуешь, – огрызнулся Ангел. – Если бы я не перестал целовать тебя, мы бы надолго задержались в этом лифте.

– Неправда. Я собиралась вас оттолкнуть.

Путешествие по забитым транспортом улицам получилось молчаливым, напряженным, нервозным. Наконец Ангел припарковался рядом с уродливым зданием, в котором Мерри снимала квартиру.

– Ты можешь позволить себе жилье в более приличном районе, – заметил он.

– Я предпочитаю откладывать деньги. – Отстегивая ремень безопасности, Мерри пропустила момент, когда Ангел снова потянулся к ней.

В его поцелуе она почувствовала жгучий сексуальный голод с изрядной примесью злости. Мерри вздрогнула всем телом, словно он нажал кнопку детонатора, наполнившего жаром ее бедра и грудь с болезненно набухшими сосками.

– Я все жду, когда ты меня оттолкнешь. – Ангел оторвался от ее губ. – Много слов, мало действий.

– Я не думаю, что ты действительно хочешь получить пощечину. – Голос Мерри звучал холодно, но лицо пылало.

– Если это поможет разогреть тебя, я готов просить о ней. – Его шепот был мягким, вкрадчивым, манящим.

Мерри вылетела из спортивной машины как ужаленная. Она сгорала от стыда, что не смогла соблюсти собственный высокий стандарт достойного поведения. Нужно было оттолкнуть Ангела, отвесить оплеуху или даже стукнуть куда-то еще, чтобы он гарантированно усвоил ее позицию по данному вопросу. Вряд ли менее радикальные методы могли охладить его пыл. Он относился к типу агрессивных завоевателей, которые никогда не оставляли поражение без реванша.

Его машина все еще стояла у тротуара, когда Мерри скрылась в подъезде. Только там ей удалось вздохнуть полной грудью – как будто она пробралась домой через снежную бурю. Она была потрясена и растревожена, презирала саму себя и почти ненавидела Ангела за то, что он в ней разбередил.

Мерри не могла забыть ощущение его губ на своих, вкус поцелуя, пославшего горячую взрывную волну вниз, к ее животу и другим, более интимным, местам, о которых она раньше и не думала как о чем-то особенном. Как только он посмел! Разве Ангелу неизвестно, чем он рискует, если Мерри заявит о сексуальных домогательствах? Впрочем, думать о последствиях игры с огнем было не в его характере, напротив, фактор риска подзадоривал и стимулировал Ангела.

Той ночью Мерри долго лежала без сна, свернувшись клубочком, все еще пытаясь осмыслить опыт первого настоящего плотского искушения. Когда Ангел целовал ее, она не могла ни думать, ни дышать. Раньше поцелуи не оказывали на нее такого ошеломляющего воздействия. Она со всех сторон рассмотрела возможность все-таки пожаловаться на сексуальное домогательство, но представила, как Ангел со смехом разбивает ее обвинение в щепы, и решила не портить себе резюме столь унизительной историей. Ведь на слушании ей придется объяснять, почему она не дала немедленный отпор, не воспротивилась его ласкам…

На следующий день Мерри ужасно нервничала по дороге на работу. Однако Ангел вел себя как обычно, чем вызвал ее тихое негодование. Как человек, накануне предлагавший провести ночь в своей постели, мог обращаться с ней так же, как с остальными сотрудниками? Момент интимности, судя по всему ничего для него не значивший, дорого обошелся Мерри. Ангел словно бы выволок ее из безопасного панциря, бросил на волю физиологических и эмоциональных штормов, которые она спокойно держала под контролем до встречи с ним.

Всю неделю даже при самом мимолетном контакте с Ангелом у Мерри поднималась температура. Стоило ему посмотреть на нее, жар стремительно растекался по телу, ткань бюстгальтера царапала затвердевшие соски, а низ живота сжимало тугим, горячим спазмом. Мерри готова была отхлестать саму себя по щекам от стыда за поведение собственного тела. Ужасное, разрушительное вожделение не желало покидать ее, как будто брошенная Ангелом спичка разожгла негасимый огонь, в котором сгорали нервы и женская гордость.

В пятницу, когда Мерри собиралась с коллегами в бар отметить наступление выходных, Ангел попросил ее задержаться.

– Далее на повестке дня… мы, – промурлыкал он.

– Никаких «нас» не существует. – Мерри бросила на него возмущенный взгляд.

– Именно об этом я и хотел поговорить, – с удовлетворением объявил Ангел. – Ты же знаешь, если где-то чешется, надо почесать. Иначе зуд сведет с ума.

– Твой лексикон соблазнителя требует доработки. – В чистых голубых глазах Мерри мелькнул невольный смешок.

– Мне не приходится соблазнять.

– А я не признаю секс без отношений.

– Если перед сексом я приглашу тебя поужинать, это будет считаться отношениями?

– Нет. – Мерри нравилось возражать ему. – Я не собираюсь отдавать невинность за твои скользкие трюки.

– Ты – девственница? – переспросил Ангел. – Серьезно?

– Серьезно. – Мерри помнила, что мать родила ее от тайной связи с боссом, и меньше всего хотела идти по ее стопам. – Секс должен значить нечто большее, чем способ избавиться от зуда.

Ангел плавным кошачьим движением поднялся из-за стола – дорогая ткань костюма обрисовала его стройное, атлетичное тело. Мерри, как завороженная, следила за ним глазами.

– Для меня он никогда не значил ничего больше, – сухо признал грек. – И меня обидело слово «скользкий». Во мне нет ничего скользкого, и я не сплю с девственницами.

– Приятно слышать. – Мерри выдохнула, ругая себя за то, что даже колыхание рубашки на его груди приводит ее в возбуждение. – Я уже могу идти домой?

– Я подвезу тебя.

– Это необязательно.

– Здесь я решаю, что обязательно, а что – нет. – Ангел пинком открыл дверь кабинета и зашагал к лифту. – Ты понимаешь, что девственницы в моем мире встречаются реже единорогов? Бережешь себя до свадьбы?

– Конечно нет! – Мерри засмеялась, невольно позабавленная его любопытством. – Мне нужно что-то настоящее. Я не поклонница связей, которые возникают просто так, от скуки, без смысла.

Ангел лениво прислонился к стене лифта, еще раз поразив ее грацией хищника в джунглях.

– Я встречаюсь с женщинами, чтобы развеять скуку. Но это не мешает мне быть настоящим. – Даже звук его голоса ощущался как ласка.

– Перестань, – застонала Мерри. – Мы с тобой разные как соль и перец, только нас еще и смешать нельзя.

– Ты придумала слишком много правил, поставила миллион барьеров. Почему так?

– Как будто тебе это и вправду интересно.

– Мне интересно. – Глаза цвета темного золота вспыхнули в полумраке подземной парковки. – Я хочу тебя.

– Лишь потому, что не можешь получить. Не ожидала, что ты такой примитивный.

– Не надо грубостей.

– Своей настойчивостью ты вынуждаешь меня грубить.

– Ты распустишь для меня волосы? – нетерпеливо спросил Ангел. – Они необычайно длинные.

– В детстве мама стригла их очень коротко, чтобы легче было ухаживать. Теперь я отращиваю, потому что могу себе позволить.

Внезапная улыбка, осветившая смуглое лицо Ангела, заставила желудок Мерри проделать очередной кульбит.

– У тебя мания все контролировать. Рыбак рыбака видит издалека, красавица моя.

– Именно поэтому мы не можем поладить. Слишком похожи.

– А мне кажется, виной твое раздражающее добродетельное самодовольство, – возразил Ангел.

– Ничего подобного!

– Ты считаешь себя лучше меня, потому что не подчиняешься своим гормонам. Но, когда я прикасаюсь к тебе, они берут верх.

Ангел уперся обеими руками в пассажирскую дверь автомобиля, поймав Мерри посередине. Она чувствовала тепло его сильного тела, терпкий запах мужчины, смешанный с экзотическим ароматом одеколона, щекотал ноздри. Ангел не дотрагивался до Мерри, но ее колени дрожали как желе от мысли, что их противостояние может в любой момент стать объятием.

– Ты задыхаешься от желания, когда я так близко, – прошептал он. – Я вижу. Я знаю, и поэтому не в силах отступить.

Мерри знала, что Ангел отпустит, если она захочет уйти, знала, что он не сделает ничего против ее воли. Неожиданное ощущение власти над ним наполняло ее. Ангел продолжал добиваться ее, потому что не мог сопротивляться влечению. Правда, против него и она была бессильна. Мерри впервые в жизни испытывала такие сильные, противоречивые чувства, которые будоражили, наполняли вены адреналином. Она хотела Ангела. Осознание пронеслось сквозь все ее существо словно таран, оставив лишь жалкие черепки от всего, что Мерри думала о себе раньше.

– Ты не в моем вкусе, – проговорила она сухими губами, все еще пытаясь протестовать.

– Ты тоже не в моем, – согласился Ангел. – Но я все равно займусь с тобой любовью прямо на парковке, если ты попросишь.

– И не надейся. – Голос Мерри дрожал. – Оставь меня в покое. Отвези домой.

– Зачем ты все усложняешь? – Он достал брелок с ключами от машины. – Хватит. Это очень странным образом действует мне на нервы.

Мерри, словно в тумане, села в автомобиль. Злая, жаркая пульсация между ног причиняла ей неудобство, пропитанный гормонами воздух застревал в легких. Она не понимала, как Ангел добился такого эффекта лишь словами и взглядами. Он парализовал ее разум, заставил чувствовать то, чего она не хотела, выбил из-под ног прочный, безопасный фундамент, на котором Мерри строила свою жизнь.

– Ты мне не нравишься, – сказала она.

– Милая моя, я не прошу твоей любви. Мне достаточно, что ты меня хочешь.

Мерри признала убийственную для ее гордости правду. Тело отказывалось принимать аргументы разума. Она не одобряла ничего из того, что составляло сущность Ангела как человека, но притяжение между ними было слишком сильным.

– Одна ночь, чтобы утолить желание, – предложил Ангел. – И мы похороним эту историю, словно ее никогда не было.

– Ты же не спишь с девственницами.

– Очевидно, ты рождена, чтобы стать исключением.

– Ты пытаешься вести со мной деловые переговоры?

– Мы должны разрешить ситуацию. Ты мешаешь мне сосредоточиться на работе, – пожаловался Ангел. – Я больше не могу облизываться на тебя целый день и фантазировать о тебе целую ночь. Это плохо для бизнеса.

– А что с этого получу я?

– Превосходного первого любовника.

Ресницы Мерри трепетали. Она гадала, стоит ли идти на поводу у Ангела, пыталась разобраться, хочет ли этого сама. Выдвинутый им аргумент – неожиданный, не до конца понятный – оказался ответом, которого Мерри подсознательно ждала.

Ангел откроет ей мир секса. После этого, избавившись от неутоленного желания, она, возможно, сможет вернуть прежнее спокойствие. Их договоренность ни в коей мере не походила на большую любовь с цветами и сердечками, которую Мерри смутно представляла себе в минуты романтических раздумий, но она всегда подозревала, что подобные картины плохо соотносятся с реальностью. Предложение Ангела было простым и честным – пусть даже Мерри никогда не предполагала, что согласится вступить в отношения без чувств и обязательств. Она не солгала, сказав, что хранит невинность не для первой брачной ночи. Мерри берегла себя для любви, которую не встретила.

Машина свернула на другую подземную стоянку. Едва успев заглушить мотор, Ангел притянул Мерри к себе и впился губами в ее губы со страстью, лишившей молодую женщину способности размышлять. Она не помнила, как они выбрались из машины, зашли в лифт и вывалились из него на нужном этаже в сумеречный холл, по-прежнему слившись в поцелуе, срывая друг с друга одежду горячими, жадными руками. Ее пальто осталось лежать где-то на полу, пиджак исчез с такой же скоростью. Мерри помнила, что сбросила туфли в коридоре. Подняв ее на руки, Ангел, потерявший галстук, плечом распахнул дверь в апартаменты.

– Нам нужно притормозить, – хрипло сказал он. – Иначе я сделаю тебе больно.

Уложив Мерри на удобную широкую кровать, Ангел принялся раздеваться без малейшего смущения. Ее терзало желание снова почувствовать его магический поцелуй, который дарил ощущение полета – выше, чем она считала возможным взлететь. Ангел сбросил брюки, позволив Мерри полюбоваться весьма очевидным бугром эрекции под боксерами. Мысли молодой женщины блуждали: она думала, каким чудом ее мог привлечь хронически неаккуратный мужчина, бросавший одежду кучей где попало. «Не мой типаж, совсем не мой типаж», – мысленно повторяла Мерри, словно бы выставляя последний заслон на пути какой бы то ни было эмоциональной привязанности.

Ангел легко перевернул ее на живот, чтобы расстегнуть и снять платье. Его губы скользнули по обнаженным плечам. Он распустил волосы Мерри, длинные

пальцы зарылись в кофейные пряди, которые отливали карамелью в лучах света, пробивавшихся из-за приоткрытой двери в холл.

– У тебя великолепные волосы. – Он усадил Мерри перед собой и посмотрел в ее голубые глаза, светлые, как арктическое небо.

– Похоже, это твой фетиш.

– Раньше не замечал. Но вот скромная ханжеская улыбка необычайно меня заводит.

– Я не ханжа!

– Ты слишком много разговариваешь. – Ангел закрыл ей рот поцелуем.

Руки мужчины скользнули по бокам Мерри снизу вверх – до застежки бюстгальтера. Спустя мгновение он положил ладони на маленькие нежные холмики ее грудей. Первая ласка заставила Мерри охнуть. Ангел снова приник к полуоткрытым губам молодой женщины, а она, откинувшись назад, запустила пальцы в его густые кудри. Плотно сдвинув ноги, прижимая бедра к матрасу, Мерри пыталась контролировать охватившее ее возбуждение, однако тело давно перехватило вожжи у разума и неслось в пропасть.

Ангел чертил языком линию от ложбинки между ее грудей до пупка. Упиваясь новыми ощущениями, Мерри даже не заметила, как он снял с нее трусики. Ее ноги, секунду назад плотно сжатые, раздвинулись сами собой, язык Ангела добрался до внутренней поверхности бедер. Мерри лежала перед ним, распластанная словно жертва на древнем алтаре. Безумное наслаждение захлестывало ее, возбуждение преодолело грань, за которой стало почти нестерпимым. Мерри не могла поверить, что позволяет Ангелу делать с собой нечто подобное, удивлялась, как сильно тело жаждет уверенных движений его языка и как мало власти она имеет над своими желаниями. Она то выгибалась навстречу ласке, то тянула Ангела к себе, чтобы целовать, пока хватит дыхания, с трудом удерживаясь на пороге неизведанного.

Наконец тугие ремни, как будто бы стянувшие низ живота Мерри, разошлись, и она в экстазе забилась на простынях. Собственный крик напугал ее. В панике открыв глаза, она увидела бесстыдную пиратскую улыбку Ангела.

– Ты останешься до утра, – сказал он.

– Нет, – пробормотала Мерри, глядя, как он вытягивается рядом с ней. – Один раз. И все.

– До чего же ты упряма.

Ангел целовал припухшие губы Мерри до тех пор, пока ей не расхотелось думать или спорить, и только потом потянулся за презервативом.

Он входил в нее так медленно, что нетерпение Мерри едва не превратилось в гнев. Она не хотела, чтобы Ангел обращался с ней как с редким единорогом, к тому же сделанным из тончайшего фарфора. Ее тело было готово принять его, сердце лихорадочно билось в предвкушении полного слияния. Мерри выгнулась, инстинктивно приподняла бедра – это приглашение оказалось слишком соблазнительным для Ангела, который резким движением вонзил свое мужское орудие глубже. Ужаленная внезапной болью, Мерри вскрикнула.

– Сама виновата, – хрипло сказал Ангел. – Надо было лежать тихо.

– Не путай меня с надувной куклой.

– Я всего лишь стараюсь не навредить тебе.

– Не волнуйся, меня не так-то просто сломать.

Мерри чувствовала, как ее женское естество привыкает к присутствию Ангела, подстраивается под него. Мерцающие искорки удовольствия разбегались по телу, намекая, что самое лучшее еще впереди.

– Не останавливайся, – попросила она.

Постанывая от наслаждения, Ангел погружался в нее снова и снова, наращивая темп. Мерри, к которой внезапно вернулись и возбуждение, и плотский голод, качалась на волнах удовольствия, удивляясь способности своего тела открывать все новые и новые грани ощущений. На сей раз путь к оргазму был более

плавным – сладкое напряжение копилось и нарастало внутри, пока не стало таким интенсивным, что Мерри больше не могла его сдерживать. Оргазм смыл все барьеры, погрузив молодую женщину в состояние экстатического шока.

Ангел потянулся, намереваясь обхватить рукой плечи Мерри, задержать ее в объятии, головой на своей груди. Она стремительно вывернулась. Все мысли сосредоточились на немедленном побеге. Мерри согласилась только на секс, переживать горькое похмелье рядом с Ангелом было выше ее сил. Все, что ей оставалось, – это сохранить остатки собственного достоинства. Соскочив с кровати, Мерри принялась собирать беспорядочно валявшуюся там и сям одежду.

– Я попросил тебя остаться, – напомнил Ангел.

– Мне нужно домой.

Он тоже поднялся и, излучая недовольство даже сильной, поджарой спиной, отправился туда, где в представлении Мерри должна была находиться ванная.

Мерри очень хотелось принять душ, но она твердо решила не задерживаться ни на одну лишнюю секунду. Когда Ангел вернулся, бесстыдно щеголяя смуглой наготой, Мерри, уже одетая, вызывала такси.

– Я не хочу, чтобы ты уезжала.

– Такси уже в пути. – Мерри вздернула подбородок. – У нас был уговор, соблюсти его будет лучше для всех.

– Я думал провести с тобой всю ночь.

– Иногда жизнь складывается не так, как ты хочешь. Я получила удовольствие, но все хорошее когда-нибудь кончается.

– Ты меня с ума сведешь, – сказал Ангел, выругавшись по-гречески.

– А в чем проблема? Ты сам говорил, что мы должны похоронить эту историю.

Сохранив горделивое безразличие перед Ангелом, Мерри начала паниковать в такси и продолжила дома, пока дожидалась очереди идти в душ. Она была потрясена тем, что натворила. Тело ныло, но мозг страдал еще сильнее, пытаясь найти объяснение мимолетной вспышке безумия, толкнувшей Мерри в постель Ангела Валтиноса. Рассматривать произошедшее рационально, как сделал бы Ангел, не получалось. Мерри захлестывал такой шторм эмоций, словно на ее совести оказалось убийство. «Что сделано, то сделано, теперь я успокоюсь, и все станет по-прежнему», – упрямо убеждала она себя. Ангел с его опытом не мог ошибаться на этот счет. Мерри утолила и любопытство, и неестественный сексуальный голод, оставалось поверить, что скоро все это выгорит до неловкого воспоминания, которое она навсегда сохранит в тайне.

Следующие дни показали, что при всей своей искушенности Ангел был не прав. Мерри давно знала присказку: «Простуду кормят, лихорадку морят голодом», однако лишь сейчас поняла, как опасно кормить лихорадку. Она видела это в обращенных на нее темных глазах Ангела, слышала в преувеличенно резких указаниях, которые он ей давал, чувствовала, как ее тянет к нему, словно она прикована невидимой цепью. Мерри постепенно, неохотно сознавала, что влюблена. В присутствии Ангела она едва могла владеть собой – держалась немногим лучше глупой хихикающей школьницы. Одна мысль, что от матери ей передалось больше, чем она надеялась, внушала Мерри отвращение.

Неужели именно в материнских генах заключался ответ на вопрос, почему она переспала с Ангелом? Мерри снова и снова спрашивала себя, что привело к импульсивному решению, которое шло вразрез со всеми ее принципами. В какой момент восхищение умом и деловой хваткой начальника трансформировалось во что-то большее? Как бы там ни было, охваченная презрением к себе и этой жалкой привязанности, Мерри начала подыскивать другое место работы, чтобы поскорее оставить Ангела и «Валтинос энтерпрайзис» в прошлом.

Через две недели после проведенной вместе ночи Ангел без предупреждения появился на пороге съемной квартиры Мерри.

– Как ты сюда попал? – раздраженно поинтересовалась она, наткнувшись на него по дороге из душа. В дополнение ко всем прочим отягчающим обстоятельствам ей было неприятно стоять перед ним в хлопчатобумажной пижаме, с мокрыми волосами, неприбранной и ненакрашенной.

– Приехал на машине. – Он закрыл за собой дверь.

– Я имела в виду, какого черта…

Ангел, зло поджав губы, устремил на нее напряженный взгляд золотистых глаз.

– Я не могу держать дистанцию между нами.

– А как же наш уговор?

– Полный провал, – мрачно констатировал он. – Самая большая ошибка моей жизни.

Мерри с трудом сдержала смех. Проявление театральности в характере Ангела не только позабавило, но и тронуло ее в глубине души, где она, сама не желая, оставалась мягкой, чувствительной, уязвимой. Он пришел к ней. Он отрицал влечение, пытался растоптать искру чувства и потерпел неудачу. Мерри сразу поняла, что эта неожиданная слабость приводит его в бешенство.

– Я хочу провести с тобой ночь.

– Ангел…

Он сел на постель рядом с ней, погладил ее лицо прохладными смуглыми пальцами.

– Назови меня по имени еще раз.

– Нет, – упрямо возразила Мерри. – Я не обязана выполнять твои распоряжения в нерабочее время.

– Не дразни меня, красавица. – Приподняв ее подбородок, Ангел прочертил поцелуями линию вдоль нежного горла к ямочкам над ключицами. – Я и так сам не свой.

Он опустил руку Мерри туда, где под дорогой тканью брюк наливалась желанием горячая плоть. Жар передался ее пальцам, разошелся по телу, разбудив жажду близости. Яростные поцелуи Ангела быстро сводили на нет

надежду побороть вожделение. В голове Мерри не осталось места ни для каких мыслей, кроме одной: «Я нужна Ангелу так сильно, что ему не хватило воли держаться от меня подальше». Вдохновленная, она целовала его с такой же неукротимой, отчаянной страстью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/linn-grehem/otlozhennoe-schast-e

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить